

accordance with the contemporary methods. And the recent examination of Býči Scála makes it possible to regard it as a cave sanctuary with ritual burials.

Touching upon the spread of nomadic materials in Central European cultures, the author points out that by the late VII c. B.C. three-bladed arrowheads had been widely spread in the whole Mediterranean area; Scythian armaments have been found in burials of the local population (Brožek burial), but there are no Scythian burials there. However even in Asia Minor where such burials (Noršuntepe) have been discovered and there is written evidence of Scythian invasions, the interpretations of the archaeological material meets with difficulties.

The existence of Scythian-looking objects in Central Europe can be accounted for by the fact that in the VII c. B.C. the eastern groups of the Hallsatatt and Lausitzer cultures came into close contact with the nomadic population of the Pontic Steppes borrowing some innovative armaments and elements of horse harness. The spread of nomadic elements of culture farther to the West was possible only through numerous intermediaries. One should not equalize the influence of the Hungarians, the Huns and the Scythians on Central Europe. The specific historical situation should be taken into account. The existence of the Lausitzer Kultur, Slovenian and Bosnian-Serbian Hallstatt-Gruppen was not interrupted, nor did they feel a considerable Scythian influence in their subsequent development.

Древние империи (Новые подходы к изучению древних империй Запада и Востока)

© 1998 г.

СТРУКТУРА ДЕРЖАВЫ МАУРЬЕВ ПО СВЕДЕНИЯМ ЭДИКТОВ АШОКИ

Маурийская держава, просуществовавшая лишь немногим более двух веков, заняла особое место в истории Индии, став по существу символом ее единства. Совсем не случайно, что современный герб страны сохраняет изображение памятника эпохи – «львиной» капители колонны из Сарнатха, на которой сохранилась надпись, высеченная по приказу знаменитого Ашоки, наиболее известного царя этой династии.

Важность эпохи Маурьев обычно определяется в историографии существованием именно в это время наиболее крупной в древности и средневековье державы, включившей большую часть территорий современных Индии и Пакистана, ряд иных областей. Эпоха эта рассматривается в исследованиях как период максимального проявления центристских тенденций, приведших к созданию огромной «империи»¹. Она по существу делит всю историю домусульманской Индии на два этапа – складывание централизованного бюрократического государства и постепенное его разложение, переход к децентрализованной структуре феодального типа.

Образ державы Маурьев в историографии нередко представляется и как своеобразный эталон государственного устройства², приобретает идеологические черты. Не так давно были весьма популярны попытки показать «эффективность и всепроникающий характер» маурийской бюрократии³ (основанные, правда, прежде всего на соответствующем истолковании свидетельств «Артхашастры» Каутильи). Они отражали и стремление подчеркнуть закономерность существования современных форм бюрократического управления, присущих Индии, по мнению авторов, еще в глубокой древ-

¹ См., например: Шарма Р.Ш. Древнеиндийское общество // *A Comprehensive History of India*. V. 2. Calcutta, 1957; Ruben W. Die Entwicklung von Staat und Recht im Alten Indien. B., 1968.

² См., например: Sastri N. Age of Nandas and Mauryas. Banaras, 1952; Banerjee P.N. Public Administration in Ancient India. Delhi, 1973; Puri B.N. History of Indian Administration. V. 1. Bombay, 1968.

³ См., например: Dikshitar V.R. The Mauryan Policy. Madras, 1953; Jayaswal K.P. Hindu Policy. Bangalore, 1955.

ности, в один из наиболее ярких периодов ее истории. Таким образом, сам факт существования обширной многоэтнической «империи» Маурьев, правителям которой удавалось продолжительное время удерживать ее от распада, воспринимался, в немалой степени, и как результат эффективных действий созданной ими «административной машины». Нельзя не согласиться с Ж. Фюссманом в том, что это действительно выглядит, как парадокс, ибо даже в настоящее время, несмотря на огромные успехи в развитии транспорта, коммуникаций, техники пропаганды, практику представительной демократии и т.д., сильные различия продолжают сохраняться, угрожая единству крупных государств⁴.

Общие представления о времени Маурьев и их державе строятся главным образом на трех группах источников – эпиграфике (эдикты Ашоки), работах античных авторов и «Артхашастре» Каутильи (далее – КА), деятельность и трактат которого многие исследователи связывают со временем Чандрагупты.

Крайне важно иметь в виду исключительно важную роль КА в формировании представлений о державе Маурьев. Именно в этом источнике, особенно богатом свидетельствами о различных аспектах жизни царя и царства, многие исследователи черпали основные доказательства высокой степени организации централизованного бюрократического аппарата державы Маурьев. Вместе с тем, опираясь на существующие концепции государства (которые, несмотря на различия в понимании сущности государства, воспроизводят сходную модель самого института, что определяется единообразным толкованием его критериев, признаков), вычленив государство из общества и отождествляя его (в абсолютном большинстве случаев) с «государственным аппаратом», «администрацией», «административной машиной», исследователи были обречены искать и «находить» в древних источниках следы такой «машины», значительно модернизируя образ «империи» Маурьев, структуру современного им общества.

Между тем, как показали работы А.А. Вигасина и автора настоящей статьи⁵, принятая большинством индологов модель централизованного бюрократического государства не может отождествляться с моделью государства, отраженной в КА, имеющей прямо противоположные характеристики, а интерпретация многих сведений и терминологии трактата нередко выглядит просто ошибочной⁶. Поэтому вполне логичным представляется наше новое обращение к проблеме структуры державы Маурьев, к анализу свидетельств надписей Ашоки.

Принципиально важная для любого исследования проблема достоверности в индологии, принимая во внимание особенности имеющейся источниковой базы, приобретает особое значение. Специфика индийских источников такова, что абсолютное их большинство считать однозначно достоверными нельзя. Решение этой проблемы требует не только тщательного сопоставления их свидетельств со сведениями иных источников, но и ответа на такие важные вопросы, как причина появления текста, цель его составления, принципы отбора материала и пр. Но и в этом случае, учитывая характерные для большинства индийских источников черты (традиционность, многослойность и др.), можно судить о достоверности лишь отдельных свидетельств, но не источника в целом.

В работе с КА мы воспользовались методом, предложенным А.А. Вигасиным, использовавшим и развившим на практике в индологии достижения российского

⁴ Fussman G. Central and Provincial Administration in Ancient India: The Problem of the Mauryan Empire // The Indian Historical Review. 1997/88. V. 14. № 1–2. P. 43.

⁵ Вигасин А.А., Самозванцев А.М. «Артхашастра». Проблемы социальной структуры и права. М., 1984; Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987; Лелюхин Д.Н. Структура древнеиндийского государства, в первой половине I тыс. н.э. (по трактатам о политике): Автореферат дис... канд. ист. наук. М., 1989; он же. Государство, администрация и политика в «Артхашастре» Каутильи // ВДИ. 1993. № 2. С. 4–24.

⁶ См. подробнее: Лелюхин. Структура... С. 10–43. Это представляется важным и для интерпретации маурийской эпиграфики. Необходимо четко разделять тот факт, что КА как текст окончательно сформировалась на несколько веков позже правления Ашоки, с тем, что идеи, отраженные в ней, представления о структуре общества, могут отражать и опыт маурийского времени.

источниковедения, выработанные при анализе летописных источников. Он предполагает тщательную интерпретацию самого источника, в определенной степени изолируемого от других⁷ сообщений. Таким образом, мы попытались реконструировать «общество и государство» исходя, прежде всего, из контекста трактата, некую идеальную модель, созданную авторами КА в рамках традиционной науки – «шастры» и, одновременно, вобравшую в себя многие черты реально существовавших государств. Ограничившись утверждением, что близкими к реальности (но не буквально ее отражающими) в КА выглядят, скорее, не отдельные детали, частности, а сама «концепция государства КА», принципы и логика его построения, мы учитывали, что текст, созданный в древности, не будучи утопией, по характеру не мог полностью абстрагироваться от окружающего его мира, современной или знакомой его авторам или читателям реальности, изменяя, переосмысливая, толкуя отдельные ее детали (даже очень важные), но не отрицая ее в целом.

Использование такого метода представляется нам наиболее целесообразным и при анализе свидетельств маурийской эпиграфики. При этом нельзя не учитывать, что надписи, как и многие индийские источники, безусловно, основываясь на реальности, дают в определенной степени одностороннюю, субъективную ее интерпретацию, которая ориентирована на концепцию каждого конкретного источника, характерные для него видение мира и мироустройства.

Эпиграфика – исключительно важный и одновременно один из наиболее сложных типов источников по истории Индии. Это обусловлено во многом лапидарностью содержания надписей и обилием специальной терминологии. Следствием упрощенного подхода к надписи как к канцелярскому (в современном значении этого слова) документу, просто и надежно в большинстве случаев фиксирующему определенные события и отдельные факты политической, социальной или культурной жизни, был отказ многих исследователей от постановки источниковедческих проблем эпиграфики (прежде всего, внутренней критики, текстологии). Между тем, как нам представляется, очевидна необходимость и закономерность постановки вопроса о формировании и эволюции самостоятельной традиции эпиграфики как особого вида текстовой деятельности, изучение ее взаимодействия с иными традициями – эпической, литературы шастр и т.д. Нельзя не отметить, что в историографии имеются отдельные попытки обращения к подобной тематике (например, в исследованиях Д.П. Дискалкара⁸). Однако в целом указанная проблема еще не ставилась. Такой подход к свидетельствам эпиграфики создавал также возможность при интерпретации сведений и терминологии надписей руководствоваться главным образом представлениями каждого конкретного исследователя о том, каким должно быть древнее государство и общество. И они, нередко находясь под влиянием общих современных им концепций, видели в источниках то, что хотели видеть, модернизируя их содержание.

Использование комплекса надписей определенного периода (маурийская эпиграфика, эпиграфика времени Гуптов) для постановки исторических проблем в индологии – обычное явление. Мы вполне имеем право выделять комплексы надписей, используя их как сложные источники, исходящие из единых (хотя бы в общих чертах) представлений об обществе и его организации, определенным, сходным образом отражающие реальность, хорошо известную их авторам и читателям. Такое допущение (при известной осторожности в определении комплекса надписей и в выводах) представляется возможным. Оно позволяет ставить проблему структуры государства Маурьев более корректно, не смешивая различные по характеру источники. С другой стороны, это создает возможность сопоставления концепций различных источников (например, КА и надписей Ашоки), которое будет способствовать прояснению спорных моментов в источниках, может помочь более корректно судить об особенностях структуры древнеиндийского общества и государства.

⁷ Вигасин, Самозванцев. Ук. соч. С. 25.

⁸ Diskalkar D.P. The Influence of Classical Poets on the Inscriptional Poets // JIH. 1960. V. 38. Pt 2. P. 285–302; *idem*. Qualifications and Subjects of Study of Inscriptional Poets // JIH. 1960. V. 38. Pt 3. P. 547–565.

Логика исследования корпуса надписей как сложного комплексного источника в случае с эдиктами Ашоки очевидна. Это обусловлено не только внешними признаками (общность автора, датировки, палеографии, материала и пр.), но и внутренней критикой содержания самих текстов. Большинство их посвящено изложению основных правил дхармы, религиозно-нравственных норм жизни, о личной приверженности которым заявлял Ашока. Тексты содержат поучения и рекомендации от имени царя, побуждая читателей следовать тем же путем, описание действий маурийского правителя, ведущих к все большему распространению дхармы вширь и вглубь через приобщение широких кругов населения к правилам праведного образа жизни и поведения, через провозглашенную Ашокой политику «дхармавиджайи» («завоевания через дхарму»).

В ряде случаев «эдикты» сами именуют себя «надписи о дхарме» (dhamma-lipi, см. БНЭ. I. 1; V. 8; VI. 13; XIII. 1; БКЭ. I. 2; II. 6; IV. 2; VI. 4⁹), обращения царя называются «наставления о дхарме» (dhammānusāsī, см. БНЭ. III. 3; IV. 5, 10; VIII. 4 и пр.), «наставлениями» (anusathi, ОНЭ. I. 3; II. 2) и т.п. Тема дхармы, проповедь дхармы, очевидно, составляет основу, суть надписей Ашоки. Все иные сведения появляются в них уже как второстепенные, служащие цели реализации основной задачи, призванные засвидетельствовать приверженность царя дхарме и его стремление к «дхармавиджайе». С подобным характером надписей нельзя не считаться. Поэтому для них в большинстве случаев неприемлема ставшая уже традиционной в историографии императивная интерпретация в административно-канцелярском духе. Эдикты чаще всего имеют абстрактный, рекомендательный характер, содержат обращения ко всему населению и выглядят как поучения, увещевания, но не как приказы могущественного царя, обязательные для исполнения.

Центральный факт любого исследования о времени Маурьев – создание первой «всеевропейской империи». Обращаясь к этой проблеме индологии, обычно пытаются очертить границы державы Ашоки, ориентируясь на места находок его надписей и локализацию племен, упомянутых в них. Это создает иллюзию довольно быстрого возникновения огромного политического образования, которое большинство индологов считают централизованным государством. Между тем, остаются неясными причины создания столь крупного объединения и характер взаимосвязей отдельных областей страны и степень подчинения их Магадхе, так же как и функция предполагаемых границ, какого рода единство они фиксировали.

В самих эдиктах понятие «граница», однако, отсутствует (что представляется вполне естественным для большинства древних государств). Ключевым же в политико-географических представлениях, отраженных в надписях, выглядит нередко присутствующее в текстах противопоставление «здесь» (hida, санскр. iha) и «окраина» (amīta), анализ которого позволяет внести некоторую ясность в проблему границ и структуры державы Маурьев. Традиционный перевод термина amīta («пограничное государство», «пограничные жители») в эдиктах, очевидно, неточен – большую часть царств и племен, именуемых так, «пограничными» назвать просто нельзя (например, царства западных соседей – Селевкидов, Пандьев, Цейлон).

В БНЭ. XIII. 8–10, указывая на то, что «победа с помощью дхармы» (dhammavijaya) была его главной победой, Ашока отмечает: «И она одержана Угодным Богам *здесь и на всех* окраинах, вплоть до [отстоящих отсюда] на шестьсот йоджан», перечисляя затем царства Селевкидов и их западных соседей, царства Чодов, Пандьев и иных на

⁹ Мы используем традиционную систематизацию и нумерацию надписей Ашоки – большие и малые на скальные и колонные, а также «особые» эдикты (БНЭ; МНЭ; БКЭ; МКЭ; ОНЭ), указывая строку надписи и, при необходимости версию. В работе использовались издания текстов и переводы Г. Бюлера (Epigraphia Indica. V. II–III), Е. Хультша (Corpus Inscriptionum. V. I. Oxf., 1925), Д.Ч. Сиркара (Selecto Inscriptions. V. I. Calcutta, 1942), У. Шнайдера (Die Grossen Felsen-Edikte Ashokas // Freiburger Beiträge zur Indologie. Bd 11. Wiesbaden, 1978); работы Г.М. Бонгард-Левина, в которых даются многочисленные переводы и толкования текстов (Индия эпохи Маурьев. М., 1973 и др.), переводы В.В. Вертоградовой (Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 2. М., 1980; История и культура древней Индии. Тексты. М., 1990).

юге Индии «вплоть до Тамбапамни» (Цейлона). Последующее содержание, выделяемое обычно новым абзацем, фиксирующим иную мысль, является, скорее, продолжением упомянутого выше тезиса, тесно с ним связанным: «И вот, *здесь*, в области царя (а также) среди Яванов, Камбоджей, Набхаков и Набхитиков, Бходжей и Питиников, Андхров и Палиндов – всюду следуют поучению в дхарме Угодного Богом, и [даже там, куда] не доходят посланцы Угодного Богом, те также слышат слово дхармы». Первый тезис констатирует «победу с помощью дхармы», далее приводится ее следствие. В первом случае, по контексту, должны были быть названы наиболее удаленные от Магадхи области, повторять названия которых далее, возможно, просто не имело смысла. Представляется очевидным, что перечисление племен во второй фразе не связывается с понятиями «здесь», «в области царя» (они, кстати, как раз и локализируются обычно на окраинах державы Маурьев) и служит расшифровке понятия «анта», «окраина». Это подтверждается и тем, что часть их (Яваны, Камбоджи, Питиники), согласно БНЭ. V. 4, толкуются как «живущие на западной окраине» (aparāta).

В БНЭ. II. 1–4 мы встречаем несколько иную систематизацию представлений авторов «эдиктов» о структуре известного им мира. Он разделяется на «виджиту» (vijīta, «завоеванное») Ашоки и области, именуемые prasaṁta (санскр. pratyanta). Можно толковать этот термин так же, как и термин «анта» (что отражено в словарях), однако, нам представляется, что приставка praṁti вносит элемент противопоставления более общему понятию «окраина». Так именуются в тексте те же царства Селевкидов и их западных соседей, Чолов, Пандьев, Сатьяпутров, Кералапутров «вплоть до Тамбапамни», что и в БНЭ. XIII. Отличия же списка, возможно, связаны с тем, что здесь выделяются лишь те, кто не входил в зону непосредственного влияния Маурьев (именуемую термином «виджита»), что подчеркивается и соответствующим общим термином.

Дополняет эту информацию содержание БНЭ. V. 4, где говорится, что «дхармамахамаатры» пекутся о всех приобщенных к дхарме, в том числе «среди Ионов, Камбоджей, Гандхарцев, Ристиков и Питиников или же других, живущих на западной окраине». Далее в БНЭ. V. 6 резюмируется: «*Здесь* и во внешних городах, во всех владениях моих братьев и сестер, или, также среди иных [моих] сородичей – всюду в виджете Ашоки пекутся дхармамахамаатры о тех, кто приобщен к дхарме» (Гирнарская версия раскрывает понятие «здесь», заменяя его – «в Паталипутре»). Противопоставление «здесь» – «окраины» и в этом эдикте служит для разделения ядра державы и окраин, причем в качестве последних здесь выступают только «западные окраины»¹⁰, явно входившие в зону влияния Маурьев. Внешние же города и владения лиц, именуемых «братья, сестры и иные сородичи» и также входивших в «виджиту», видимо, располагались на периферии державы (или, что кажется важным подчеркнуть, считались авторами эдиктов таковыми), будучи «внешними» по отношению к ядру владений Маурьев. Вряд ли здесь имеются в виду только члены семьи Ашоки или его клана – речь, конечно, идет о любых зависимых от царя Магадхи правителях, близких последнему по статусу (фразеология подобного рода длительное время и достаточно широко использовалась как на Востоке, так и на Западе), как, например, упоминаемый в более поздней надписи Рудрадамана из Джунагадха царь яванов Тушаспа¹¹.

Примечательно, что, провозглашая свои успехи в распространении дхармы, Ашока ни разу не упоминает Магадху и иные области державы, которые было бы логично считать ядром его государства. Это конечно же не означает, что проповедь дхармы, деятельность «дхармамахамаатров» не связывалась с Магадхой, Кошалой, Панчалой и иными областям долины Ганга, Западной и Центральной Индии. Скорее следует

¹⁰ Причина появления такого термина остается неясной, может быть, учитывая контекст надписи, это было следствием того, что западные области были направлением наибольшей активности Ашоки?

¹¹ Sircar. Selected. Incriptions. P. 171.

предполагать, что именно они и подразумевались под более широким понятием «здесь», включавшим не только Паталипутру, но и значительную часть упомянутых выше областей.

Сходные представления можно найти и в иных эдиктах. В БКЭ. VII. 17 сообщается, что многие «начальники» пекутся о распределении даров царя и цариц «здесь и [во всех иных] областях» (*hida seva disāsu*). В МНЭ. I. 4–5 (по версии Рупнатха) предлагается высечь содержание поучения Ашоки на скалах «и здесь, [там где] есть каменные колонны – на каменных колоннах». Присутствие определения «здесь» выглядит мотивированным тем, что имелись в виду центральные области державы Маурьев. Возможно, результатом этой рекомендации было появление колонных эдиктов, высеченных, как считают исследователи, позже малых наскальных эдиктов. Во всяком случае, ареал их находок (Дели-Топра, Мирут, Рампурва, Лаурия-Нандангарх, Лаурия-Араадж, Косам, Аллахабад, Санчи, Сарнатх) свидетельствует в пользу такого предположения.

Политико-географические представления, отраженные в надписях Ашоки, таким образом, по нашему мнению, выглядят естественными, как для индийцев, так и для иных древних народов, помещавших свои исконные территории нередко в «центре мира», располагая прочие народы и царства на «окраинах». Структура державы Маурьев выглядит в концепции авторов эдиктов аналогично. Достаточно четко они выделяют «ядро» державы (в основном области Центральной Индии и долины Ганга, именуемые коротко «здесь») и области, именуемые «окраины». Племена и царства, расположенные на окраинных территориях, скорее всего, были по-разному связаны с Магадхой. Здесь, по-видимому, сохранялась и постоянно воссоздавалась вся гамма взаимоотношений от полного подчинения царю Маурьев до лишь формального признания власти Ашоки. Поэтому понятие «окраины» выглядит более сложным. Часть таких областей, очевидно, была подчинена и включена в «виджиту» Ашоки, иные (*avijita anita*, [жители] незавоеванных окраин, ОНЭ. II. 4), вероятно, изъявили покорность сами. Существовали также и явно независимые «окраины», где располагались царства Селевкидов и их соседей, царства юга Индии. Положение территорий, племен и царств, расположенных на «окраинах», их взаимоотношения с Магадхой, вряд ли были стабильными, изменялись с течением времени, в зависимости от конкретных условий. В рамках подобной структуры, по нашему мнению, достаточно четко выделить границы державы Маурьев просто невозможно. Следует скорее говорить лишь о зоне влияния последних, пределы которой можно очертить также только условно. Это, в частности, подтверждается и содержанием ОНЭ. II.

Находки версий «особых эдиктов» в Саннатхи (Карнатака) позволяют отвергнуть представление о том, что они были связаны с «особым» положением Калинги, «особой» политикой Ашоки в этой области. Цель составления II эдикта прямо изложена в ОНЭ. II. 14–15, где «махаматрам» предлагается, руководствуясь «поучениями» царя, «умиротворять и приобщать к дхарме жителей окраин». Из ОНЭ. II. 4–5, однако, можно предположить, что в данном случае имеются в виду «жители незавоеванных окраин» (*avijita anita*) что, в свою очередь, дает нам возможность поставить закономерный (учитывая места находок версий этого эдикта) вопрос – умиротворение *каких* «непокоренных окраин» «махаматрами» Тосали, Самапы, Саннатхи толкуется здесь, как их «долг перед царем»? Географическое положение этих городов (особенно Тосали и Самапы), находившихся на значительном удалении от предполагаемых границ державы (или зоны влияния) Маурьев дает возможность утверждать, что под «непокоренными окраинами» подразумеваются области, традиционно включаемые в рамки державы Ашоки. Скорее всего, так именовались полунезависимые территории или племена Андхры, Махараштры и Карнатаки, формально подчиненные Магадхе (через посредство Калинги и Суварнагири), сохранявшие постоянную тенденцию к отделению, независимости.

Поскольку государство обычно представляется как организация, оказывающая прямое воздействие на общество, логичным выглядит вопрос о механизме и каналах

воздействия, т.е. постановка проблемы структуры самого государства. Так как понятие «государство» обычно «основывается на западном видении управленческой власти, приложенном к политическому территориальному объединению, отождествляемому с обществом»¹², и нередко попросту приравнивается к понятию «государственный аппарат», единодушие исследователей, избравших для «первой всеиндийской империи» модель централизованного бюрократического государства с унифицированной администрацией, выглядит понятным и естественным. Появление крупного территориального объединения уже предполагало, по их мнению, создание мощного государства, которое оказалось способным удерживать огромную территорию под контролем в течение длительного времени. Этот факт (совсем, по нашему мнению, не очевидный) вынуждал исследователей делать вывод о создании общих для всей державы институтов, в том числе системы органов управления, обеспечивавших целостность государства и своевременное поступление налогов.

Сами надписи Ашоки содержат слишком мало сведений для того, чтобы аргументированно восстановить механизм, позволявший обеспечить хотя бы относительное единство державы Маурьев. Свидетельства подобного рода встречаются в эдиктах лишь эпизодически. Достаточно туманными выглядят даже действия самого царя. Создается впечатление, что он занимался чем угодно (устройством зрелищ, раздачей даров, проповедями и пр.), но не государственными делами. Образ царя, идеал царя в концепции авторов эдиктов не связан с деятельностью его как правителя огромной державы, главы особой надобщественной структуры. Вместе с тем, если отвлечься от модели централизованного бюрократического государства, используемой обычно индологами для систематизации сведений о державе Маурьев и толкования терминологии эдиктов, нетрудно заметить, что сами надписи Ашоки не содержат *никаких* свидетельств, подтверждающих существование *такого государства*.

Опора на существующую социально-политическую структуру общества, через которую мог реализовывать свою власть правитель даже небольшого царства, была особо актуальна в древности и средневековье. Большинство населения было организовано в рамках традиционных коллективов (племя, община и пр.) во многом определявших нормы деятельности каждого конкретного человека. От решения этой проблемы зависела жизнеспособность любого объединения, причем наиболее простой и естественный механизм такого объединения был найден, возможно, достаточно давно. Уже в рамках развитого племенного общества, при покорении одним племенем другого необходимо было осуществить присвоение последнего, организовать извлечение прибавочного продукта, произведенного его членами. В то время, скорее всего, наиболее оптимальным путем было присвоение коллектива целиком, с сохранением традиционных властных структур, интеграция его в рамках более крупного объединения (подобная парадигма рассматривалась еще в XIX веке¹³). Процесс консолидации общества (изначально в рамках естественных географических границ) неминуемо шел по пути формирования множественных отношений господства-подчинения от примитивных нерегулярных форм данничества к постепенному закреплению иерархии родов, племен, кланов и затем территорий. Естественно, подобная структура не отличалась стабильностью. Подчиненный коллектив (племя, объединение общин и пр.) при ослаблении давления извне и при наличии соответствующих предпосылок легко мог реализовать достаточно долго сохранявшуюся тенденцию к отделению или даже сам мог занять положение доминирующего. Примером функционирования подобной структуры, по нашему мнению, является история Индии в древности и раннем средневековье.

В рамках державы Маурьев были объединены народы, находившиеся на различных ступенях развития, возможно, с различными формами социальной организации, органов

¹² Мы присоединяемся к этой отмеченной Дж. Гледхиллом особенности большинства известных нам концепций государства (см. State and Society. The Emergence and Development of Social Hierarchy and Political Centralization / Ed. J. Gledhill, B. Bender, M.T. Larssen. L., 1988. P. 4).

¹³ См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 482.

власти. Каким же мог быть механизм их интеграции, позволивший объединить значительную часть Индии? Введение единой унифицированной администрации, административно-территориального управления было, очевидно, немыслимым для того времени. Ломка местных связей, структур, власть которых была освящена традицией, безусловно, противопоставила бы Маурьям все население подчиненных областей (такой точки зрения придерживается и Г.М. Бонгард-Левин¹⁴). Кроме того, создание обширной администрации (что индологи обычно приписывают Маурьям) не могло быть успешным, поскольку предполагало не только появление новой группы профессионалов, лояльных по отношению к царю и относительно свободных от обязательств по отношению к своему коллективу (племени, роду, общине), в рамках которого они существовали, но и унификацию социально-политической структуры общества (хотя бы относительную, на самых верхних ступенях иерархии), наличие предпосылок для реального объединения.

Между тем, как свидетельствуют эдикты Ашоки и более поздние источники, в рамках державы Маурьев продолжали существовать города и области, обладавшие значительной автономией, в том числе и царства (в Сураштре, на северо-западе Индии), племена и племенные объединения (необходимо подчеркнуть, что они перечисляются в надписях как этнонимы), т.е. структуры, считать которые «административными подразделениями империи» вряд ли возможно. Как нам представляется, большинство указанных организаций должны были быть интегрированы в рамки державы Ашоки целиком, как подчиненные.

Распространение власти Маурьев (в какой-бы то ни было форме) неминуемо вело к усложнению социально-политической структуры современного им общества, формированию промежуточных органов власти. Царь мог поддерживать того или иного местного правителя (в том числе используя сложившиеся ранее отношения), поручая ему контроль за другими, осуществляя через него свою власть и получая от него совокупную дань¹⁵, или создавать новые надлокальные структуры такого же рода, доверяя в них власть наиболее верным и заслуженным приближенным (сыновьям, членам рода, военачальникам и пр.). Таким образом, контролируя лояльность ограниченного круга правителей (те в свою очередь заботились о покорности подчиненных им и т.д.), царь Магадхи мог сохранять относительную целостность своей державы. Все это вело бы к постепенному оформлению, прежде всего на окраинах, более крупных объединений, типа ахеменидских сатрапий, формировавшихся за счет интеграции мелких царств, городов, племен. И они походили, скорее, на зависимые царства, чем на «провинции».

Такие «царства» вряд ли были изначально достаточно стабильными, если тому не способствовали причины социально-политического, экономического или иного характера. Потенциальная опасность междоусобиц и отделения от державы той или иной области (которые, как сообщают источники, нередко возникали при смене одного царя другим и при Маурьях, и при Гуптах) существовала всегда. Вместе с тем постоянная борьба за передел сфер влияния на всех уровнях, периодическая смена лидеров в областях, достаточная подвижность иерархии органов власти – не нарушали складывающуюся систему, не меняли принципиальных особенностей социально-политической структуры общества, которая воссоздавалась постоянно в том же виде. Основой такого общества было существование общины, автономного самоуправляющегося коллектива, общинность социальной жизни. Более крупные организации были, как правило, объединениями коллективов общинного типа. Любой правитель крупного царства был вынужден реализовывать свою власть через посредство более мелких, зависимых царей, которые в свою очередь опирались на правителей еще более низкого уровня, племенное, общинное руководство и т.п.

¹⁴ Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев. С. 189, 202 и др.

¹⁵ Так, в частности, действовал и Александр в Индии, см. *Arr.* V.18–20, 28, 29 и др. (*Арриан. Поход Александра. М.*, 1993).

Сходные представления, судя по всему, были зафиксированы во многих древнеиндийских источниках. Они являются основой концепций «мирового господства», «мировой державы» («мандала», «чакравартикетра»), отраженных в КА, иных литературных памятниках, и характеризуют особенности государств Индии в древности и раннем средневековье¹⁶. Аналогичной была, по нашему мнению, и структура державы Маурьев.

Сами эдикты содержат мало сведений о наиболее крупных подразделениях державы Ашоки. В формулах уведомления, редких для маурийской эпиграфики, упоминаются «царевичи» («кумара», «арьяпутра»). Основываясь на них и на свидетельствах ОНЭ. I индологи обычно судили о «провинциальной структуре» державы Ашоки (считая царевичей наместниками). Симметричность такой реконструкции (обычно выделяли «провинции» с центрами в Таксиле, Уджаяни, Тосали и Суварнагири) нарушила находка 1976 г. версии МНЭ. I в Пангурарии, упоминающей пятого «кумару». Это дало повод Ж. Фюссману высказать предположение о том, что могли существовать и другие «царевичи»¹⁷. И с ним трудно в этом не согласиться.

Очевидно (об этом не раз писали индологи), положение «царевичей» было различным. Так, если следовать ОНЭ. I, из Уджаяни и Таксилы они отправляли в объезд «махаматров» сами, в то время, как в Калинге это было, возможно, прерогативой самого Ашоки. «Царевич» из Суварнагири (именуемый, в отличие от иных «арьяпутра»), обладал, вероятно, особым статусом, что скорее всего выразалось в наибольшей степени его самостоятельности в рамках державы Маурьев. Об этом можно судить не только исходя из того, что он именуется особым термином, но и основываясь на формулировках южных версий МНЭ. I. Эдикты из Брахмагири и Сиддапуры начинаются со слов: «От имени арьяпутры и махаматров Суварнагири, должно пожелать здоровья махаматрам Исилы и оповестить их о следующем» (ср., например, начало ОНЭ. I: «От имени Угодного Богам махаматры Тосали должны быть оповещены о следующем»). Суть и содержание южных версий МНЭ. I, отличающихся особой формулировкой оповещения, не меняются, но «арьяпутра» выступает как промежуточное звено, через посредство которого излагается даже общее поучение Ашоки, адресованное всем подданным.

Сведений о «царевичах» в надписях слишком мало, чтобы судить о их месте в иерархии органов власти, существовавших в то время. Вместе с тем, они позволяют сомневаться в том, что в рамках державы Ашоки существовала хотя бы относительно унифицированная «провинциальная структура». Учитывая свидетельства о пестроте структуры державы Маурьев, можно предположить, что «царевичи» занимали промежуточное положение в социально-политической иерархии маурийского общества и их, скорее, можно характеризовать, как местных крупных лидеров, в том числе зависимых царей, посредников между верховной властью царей Магадхи и локальными социальными и политическими организациями.

Одним из основных тезисов, на которых строится концепция державы Маурьев (и, соответственно, представления о развитии государственности в древности и средневековье), является утверждение, что при Чандрагупте была создана унифицированная система управления «империей», централизованный государственный аппарат. Аргументация этого тезиса основывается, главным образом, на соответствующей интерпретации свидетельств КА, ошибочность которой была достаточно четко показана А.А. Вигасиным и автором настоящей статьи. Однако даже внешнее дистанцирование от свидетельств КА, учет невозможности реального управления огромной империей в связи с отсутствием инфраструктуры не приводят к переоценке общих представлений о державе Ашоки, толкований свидетельств надписей последнего¹⁸, закрепленных в

¹⁶ См. подробнее: Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987. С. 178–193.

¹⁷ Fussman. Op. cit. P. 61.

¹⁸ См. *ibid.* P. 46–48, 52–57; Sharma R.Sh. Aspects of Political Ideas and Institutions in Ancient India. Delhi, 1991. P. 20–23, 371–377. 392–399.

обширной историографии. Поэтому кажется необходимым обратиться к рассмотрению свидетельств эдиктов об «администрации», к анализу терминологии надписей.

Нетрудно заметить, что в маурийской эпиграфике мы встречаем термины (толкуемые как обозначения «чиновников») обобщенные и более конкретные. Наиболее часто здесь встречается термин «махаматра», понимаемый обычно как обозначение «высшего должностного лица»¹⁹. Сам по себе он (как и его наименее неудачный перевод – «сановник») не выглядит специфически административным, не подразумевает исполнение каких-либо конкретных обязанностей. «Махаматры» занимали разное положение в обществе. Так именуется лица из окружения «царевичей» (МНЭ. I.1, версия Брахмагири, ОНЭ. II.1, версия Дхаули и пр.), самого Ашоки (ОНЭ. I.21, двор «царевичей» скорее всего представлялся авторам эдиктов как уменьшенная копия двора царя Магадхи). Они выполняли отдельные поручения Ашоки (БНЭ.VI.1), в том числе «объезд» территорий (ОНЭ I.1), отправлялись в «объезд», посланные «царевичами» (ОНЭ.I.23–24), присутствовали в крупных и мелких городах державы, в ее центре, в областях и на «окраинах» (в Тосали, Сампе, Суварнагири, Исиле, Каушамби, Паталипутре и пр.).

Можно предполагать, что так именуется и лица, правившие в своих владениях. В МНЭ.I.5 (версия Рупнатха) и МКЭ.II.9–10 (Сарнатх) Ашока предлагает «махаматрам» распространять его «послания» *sāsana* в их «ахале» (*āhāle*) и во все «горных областях» (так чаще всего переводят термин *koṭa-viṣaya*). Обычно термин «ахале» толкуют как обозначение административно-территориального подразделения («дистрикт»), что представляется неудачным по ряду причин. Отсутствие унифицированной административно-территориальной структуры в державе в целом позволяет сомневаться в наличии таковой и на более низком уровне. Присутствие притяжательного местоимения (ср., например, «моя виджита» БНЭ. III.2), отсутствующего в следующей фразе (МКЭ. II.10), когда говорится о тех же действиях тех же лиц, позволит предполагать, что «махаматры» в «своих ахале» имели больше прав и власти, чем просто «наместники», наличие иных по характеру отношений отраженных в этом фрагменте. Традиционный для индийской литературы тезис, когда правитель считался «поедающим свою джанападу», послуживший основой для образования многих терминов, обозначающих «владение» (ср., например, производные от глагола «бхудж» – «бхукти», «бхога» и пр., широко распространенные и в эпиграфике), можно соотносить и с термином «ахале» (букв. «пища»). Им скорее всего обозначались владения махаматров, но не административные подразделения держав Ашоки.

Термин «махаматра» обычно присутствует в формулах уведомления, например «Именем Угодного Богам, царевич и махаматры Тосали должны быть оповещены» (ОНЭ. II.1); «Махаматры Каушамби таким образом должны быть оповещены» (МКЭ. I.1). Сомнительно, чтобы правитель огромной державы таким образом обращался своим «чиновникам», даже высокого ранга, заставляя высекать свои обращения всеобщее обозрение. Скорее они были адресованы представителями местной власти: лидерам, по статусу достаточно близким к царю Магадхи, к знати, главам кланов, вождам, руководству городов, называемых обобщенно «махаматры» (естественно такое обращение имело место только в концепции мироустройства авторов эдиктов для которых все представители власти на местах, независимо от их уровня были абстрактными «сановниками» – в реальности, невозможно, существовало большое разнообразие). Совсем не случайно поэтому в отдельных формулах уведомлений «махаматры» занимают уже место, на котором чаще всего присутствует имя сам Ашоки («От имени арьяпутры и махаматров Суварнагири должно пожелать здорю махаматрам Исилы и оповестить их о следующем», МНЭ. I.1, версия Брахмагири

¹⁹ О толковании этого термина в КА см. подробнее: *Лелюхин. Структура...* С. 13–18.

«От имени махаматров», надпись из Махастхана²⁰; «По повелению махаматров Шравасты», надпись из Согхауры²¹).

Даже в рамках традиционного истолкования свидетельств надписей Ашоки о структуре его государства положение «антамахаматров» выглядит весьма странным. Если «анта» – пограничные государства, то царь Магадхи вряд ли мог регламентировать их поведение. Сама фраза, где содержится единственное упоминание этих лиц, завершающая БКЭ. I, звучит так: «И также люди мои, и высокие по положению, и низкие и средние – действуют [в соответствии с дхармой] и сохраняют [дхарму] – [поэтому они] способны дарить [благо] непостоянным [людям]. И таким же образом [пусть действуют] антамахаматры». Представляется очевидным, что основной текст эдикта обращен к «людям (царя)», в качестве которых могли выступать и слуги царя, и представители местной знати, выполняющие его поручения, в том числе лица, обозначаемые термином «махаматра». На «окраинах» же, находившихся в сфере его влияния, видимо, царь мог действовать только через местных лидеров, правителей (ср. МНЭ. I.1, где царь обращается к махаматрам Исилы через посредство «арьяпутры и махаматров Суварнагири»). При этом вряд ли авторы эдиктов считали «антамахаматров» лицами, обладавшими особым положением и статусом. Судить об этом позволяет анализ ОНЭ. II, содержание которого явно обращено к жителям и лидерам «окраин», но последние именуется здесь просто «махаматры».

Указания надписей о том, что «объезды» совершали «махаматры» (ОНЭ. I.21–22) и «юкты, раджуки и прадешики» (БНЭ. III.2–3), не противоречат друг другу. Во всяком случае «раджуки» толкуются в эдиктах так же, как и «махаматры». Поэтому мы встречаем аналогичные обращения к тем и другим: «Вы имеете дело со многими тысячами людей» (ОНЭ. I.4; БКЭ. VII.12; IV.2–3). Вместе с тем «раджуки», как, впрочем, и «махаматры», не простые служащие, слуги царя. Ашока сравнивает их с кормилицей (dhāti, санскр. dhātri), поручив которой своих детей-подданных, он (видимо, сам царь Магадхи) становится спокойным (БКЭ. IV.10–11, ср. ОНЭ. I.4–5). Раджуки, как и Ашока, по заявлению авторов эдиктов «действуют ради блага и счастья людей джананады» (ОНЭ. I.5; БКЭ. IV.5.12). Однако вряд ли стоит переоценивать заявление Ашоки, что он предоставил им право «свободного поощрения и наказания» (БКЭ. IV.3–4.14). Текст эдикта, скорее, лишь фиксирует существующее положение, «освящая» власть «раджуков» авторитетом царя. Ибо, как следует из БКЭ. IV.10–11 результат этого – только «порядок в суде, порядок в осуществлении наказания»²².

Возможно, «раджуками» авторы эдиктов называли правителей «сельских» районов (естественно, обладавших правом суда и наказания), а в городе сходные функции выполняли «махаматры»²³. Царь Магадхи мог реализовывать свою власть только через местные структуры, сложившуюся иерархию локальных и надлокальных лидеров. О существовании таковой можно догадываться из содержания МНЭ. I.15–22 по версии Еррагуди. Поучения царя, переданные через «царевича и махаматров» Суварнагири (ср. версию из Брамагири), местные «махаматры» должны были доводить до «раджуков», которым в свою очередь следовало направлять население «джананады» и знать (gāthikāni, санскр. gāstrikān), а также «ездоков на слонах и колесницах, местное руководство (или писцов), учителей брахманской общины» (последнее перечисление, как нам представляется, также нельзя понимать буквально, оно подтверждает только наличие иерархизации).

Именно в рамках такой структуры «функционировали» упоминаемые в эдиктах «дхармамахаматры». Интерпретация этого термина напрямую связана с представлениями о религиозной политике царя-реформатора, пропагандиста буддизма, с образом самого Ашоки. Обычно индологи видят в «дхармамахаматрах» специальный

²⁰ *Sircar*. Selected Inscriptions. P. 82.

²¹ *Ibid*. P. 85. Обе надписи датируются предположительно временем Маурьев.

²² vijohāta-samatā ca siya damḍa-samatā cā.

²³ Поэтому подчеркивается, что они следили за порядком в городе, будучи mahāmātā nagala-vijohālakā (ОНЭ. I.1), nagala-vijohalaka (ОНЭ. I.20, версия Дхаули, Джаугада mahāmātā-nagalaka).

разряд чиновников «по делам дхармы», учрежденный Ашокой, которые были призваны следить за соблюдением норм праведного образа жизни, контролировать все стороны религиозной жизни индийцев. Такая интерпретация является результатом крайнего преувеличения централизации государства, идеализации личности Ашоки, его политики. Вряд ли можно говорить о существовании в то время какого-либо общего кодекса норм этики и морали. Сфера эта всегда была и остается в Индии во многом в ведении более мелких коллективов, семьи, рода квартала, касты, деревни и пр. Она, как и сфера деятельности религиозных общин, наименее пригодна для вмешательства извне, со стороны более крупной по масштабу социальной организации – государства. Кроме того, нарушение норм морали и этики не трактовалось как преступление и не предполагало физического или материального наказания.

Сведений о лицах, именуемых термином «дхармамахаматра», в текстах немного, чтобы четко определить место их в модели общества, отраженной в эдиктах. Вместе с тем, основываясь на содержании надписей и на особенностях структуры державы Маурьев, которые мы смогли выделить в настоящей работе, можно сделать некоторые предположения.

Найти особое место и функции для «дхармамахаматров» в системе «органов государственного управления», по-видимому, невозможно, поскольку в надписях Ашоки такой системы попросту нет, как нет и хотя бы относительно четко структурированного «государственного аппарата». «Дхармамахаматры» упоминаются в конце БНЭ. XII (строки 8–9) в сложном для понимания контексте: «И об этой цели пекутся многие – и дхармамахаматры и махаматры, надзирающие за [своими?] женщинами, и вачабхумики, и иные группы [людей]»²⁴. Как нам представляется, понимать его можно, правильно оценивая ключевые слова фразы. Цель, о которой здесь говорится – дхарма, сдержанность в речи, заключающаяся в отказе от восхваления своего и порицания чужого вероучения, рекомендация прислушиваться друг к другу. Этим можно только «заниматься»²⁵ (или «печься» об этом). Таким образом можно понимать последующее содержание не как перечисление должностей, а просто как детализацию слова «многие», как список частных лиц (по нашему мнению, не несущий никакого иного, особого смысла), занятых заботой о дхарме. А об этом, как свидетельствуют тексты надписей Ашоки, «пеклись» многие, в том числе и сам царь Магадхи, и «махаматры», и «раджукы» и иные «люди (царя)» (БКЭ.VII.13). Так позволяет судить и термин «никая», употребленный в рассматриваемом отрывке (позже в эпиграфике он становится обозначением секты, собрания или «корпорации»²⁶). Он встречается в эдиктах в разных контекстах. Исходя из БКЭ.VI.3, можно понимать его как обозначение группы лиц («сарва-никая» здесь явно включает «родственников, приближенных и низких» [людей]), о которых говорится ранее). В БНЭ. XIII. 38 (Кальси, то же в версиях Еррагуди, Мансехры и Гирнара) говорится: «Ведь нет же такой джанапады, где бы не было таких групп (людей), кроме как у греков» (подразумеваются, возможно, брахманы и шраманы). В БКЭ.V.8 контекст еще более широкий – «джива-никая» можно понимать, как «(любые) группы живых существ». В любом случае кажется очевидным, что в БНЭ.XII.8–9 термин «никая» переводить как «группы (служащих)» нельзя.

«Дхармамахаматры» упоминаются в БКЭ.VII.13, 15–16, в сложном для интерпретации тексте. В нем, возможно, излагается содержание нескольких, предшествовавших этому эдиктов. Если в первом случае текст только фиксирует факт отмеченный еще в БНЭ.V.3 (Ашока заявляет, что он «сделал дхармамахаматров»²⁷)

²⁴ bahuka ca etaye athaye vapata dhrama[dharma]-mahamatra istridhiyakṣa mahamatra vrasa-bhūmika añe ca nṭkaye (версия Шахбазгархи).

²⁵ Причастие *vāyārta* нельзя переводить, как это обычно делают – «назначены». Учитывая контекст и значение самого слова, более приемлемый вариант – «занимаются», «пекутся».

²⁶ См., например: *Sircar. Selected Inscriptions*. P. 158 (надпись Ушабхадатты, сткк. 2–3).

²⁷ *dhamma-mahāmātā kaṭā*.

то из БКЭ.VII.15–16 уже можно судить об особенностях функций последних, с точки зрения авторов эдиктов. Они, как будто бы, сводятся к тому, что, в отличие от простых махаматров (т.е. руководства), один из которых «пекутся» о делах сангхи, другие – о делах брахманов и адживиков, джайнов и, видимо, иных, «дхарма-махаматры пекутся» (viyāraṭā) о тех и иных, о последователях всех вероучений (возможно, следует понимать – об их организациях). «Сановники дхармы» становятся в данном контексте подобием «аристократов по духу», обращенных лицом ко всем, проявляющих заботу о морали и поведении не только своих подчиненных, но и о всех людях; в этом их образ тесно смыкается с образом самого Ашоки, «царя дхармы». Они «пекутся» о всех – «о благородных, находящихся в услужении, о брахманах и иббхах, о несчастных и престарелых, о благе, счастье и устранении препятствий у тех, кто приобщен к дхарме, о тех, кто заключен в оковы» (БНЭ.V.4–5), о «последователях всех вероучений», о «приобщенных к дхарме», «грехах, камбоджийцах, гандхарцах» и др., «живущих на западных окраинах» (БНЭ.V.3–4), в «виджете» Ашоки, «внешних» городах и владениях зависимых от него царей (БНЭ.V.6–7). Насколько реален был этот образ – судить трудно. И если надписи Ашоки отражают исторический факт, то можно предполагать, что эдикты фиксируют попытку царя создать новый слой посредников между верховной властью и локальным руководством путем присвоения (даже формального) отдельным «махаматрам», знати, особого статуса доверенных лиц царя в крупных местных структурах – в рамках зависимых царств, племен и общинных объединений.

Анализ надписей Ашоки был бы неполон, если не определить, хотя бы предположительно, место «объездов» в концепции мироустройства авторов эдиктов. Обычно исследователи, отталкиваясь от принятой ими модели централизованного бюрократического государства, видели в них «инспекторские поездки» чиновников, служившие цели держать под контролем центрального аппарата все области и округа «империи». Такое толкование, очевидно, неприемлемо, поскольку маурийская «бюрократия» такой же миф, как и централизованное государство Ашоки.

Практика «объездов» подчиненных территорий, по-видимому, длительное время была распространена в древности и средневековье в Индии, как, впрочем, и в некоторых иных странах²⁸. Была она распространена и во время Маурьев. «Объездами» занимались «махаматры», «юкты, раджуки и прадешики» в рамках «виджить» Ашоки, иные «махаматры» объезжали территории подвластные «царевичам» по поручению последних, «махаматры» совершали «объезд» «своих ахале» и «всех горных областей», различные поездки (скорее всего не только ради развлечений и поклонения святым местам) совершал и сам Ашока.

В БНЭ.III.3–4 целью «объездов юктов раджуков и прадешиков» провозглашается «поучение в дхарме и *иные дела*». Сходный пассаж содержит и ОНЭ.I.25, где говорится, чтобы «махаматры, *не пренебрегая собственными делами*, узнавали, так ли действуют люди, как наставлял царь?». Одна из целей высечения этого эдикта, согласно ОНЭ.I.19–20 – чтобы «махаматры, наблюдающие за порядком в городе, постоянно использовали это наставление так, чтобы люди без причины не заключались в оковы и не подвергались мучениям» (т.е. творили праведный суд). Далее здесь говорится: «*И для этой цели я* (т.е. Ашока) каждые пять лет буду посылать махаматра» (ОНЭ.I.19–20). В концепции авторов эдиктов, естественно, в качестве основной цели «объездов» выдвигается «поучение в дхарме», «проповедь дхармы», привлечение к дхарме местных лидеров и населения (одним из путей ее реализации, был, вполне возможно, праведный суд, что могло соответствовать истинному порядку вещей). Такова была и главная, как он ее провозглашает, цель Ашоки, предусматривающая «завоевание через дхарму», объединение через дхарму. Однако, по нашему мнению, не менее важными для лиц совершавших «объезды» были и «другие», «собственные» их дела, о сути которых можно только догадываться. Вполне

²⁸ Например, в Аксуме, см. The Early State / Ed. H. Claessen, P. Skalnik. Hague, 1978. P. 160.

возможно, что таким образом они решали и финансовые проблемы, объезжая свои области для сбора дани, податей.

Несомненно, при объяснении сути практики «объездов» нельзя не учитывать общие представления авторов эдиктов о структуре державы Ашоки. При этом следует иметь в виду, что здесь возможно несколько одинаково верных ответов. Очевидно, «объезды» нельзя считать «инспекторскими поездками» чиновников, но они не были также и только ритуальной демонстрацией власти и милосердия. Безусловно, «объезд» мог осмысляться авторами эдиктов как ритуальное действие, но одновременно, подразумевалось и функциональное его значение. Это позволяет объяснить популярность такой практики на различных уровнях власти, в рамках различных по масштабу объединений в течение длительного времени. «Объезд» мог быть вполне реальным способом сохранения целостности и стабильности различных частей и всей державы Ашоки, средством, обеспечивающим поступление дани, податей и подарков. Отсутствие иных реальных каналов, позволяющих осуществлять управление местными организациями, обеспечивать лояльность последних по отношению к верховному правителю и поступление дани и податей, делало, скорее всего, «объезд» и «демонстрацией силы», служащей цели принудить к покорности непокорных, заставить платить тех, кто не платит, одним из важнейших инструментов власти, как в рамках всей державы Маурьев, так и в областях, подконтрольных «царевичам» и правителям более низкого уровня.

В заключение кажется необходимым коротко отметить ряд принципиально важных аспектов общих представлений автора настоящей статьи о развитии государственности в древней Индии, чтобы избежать неточной интерпретации ее результатов и обозначить более широкую перспективу в исследованиях такого рода. Держава Маурьев действительно была одним из первых и, одновременно, одним из наиболее крупных политических образований на территории Индостана в древности. Вместе с тем анализ маурийских источников позволяет утверждать, что в них не зафиксированы представления о существовании в то время не только централизованной бюрократии, но и государства как такового, в привычном для понимания этого термина значении (т.е. общественного института, обладающего особыми признаками – наличием «государственного аппарата» – специальной администрации, чиновничества; разделением подданных по территориальному принципу, по административно-территориальным подразделениям; существованием налогов и налогообложения). Сопоставление концепции авторов эдиктов с концепцией «государства КА»²⁹ свидетельствует в пользу такого вывода. Это, однако, с нашей точки зрения, не влечет за собой вывода об отсутствии или неразвитости древнеиндийского государства (теоретическая модель государства, обладавшего выше указанными признаками, скорее, по нашему мнению, приложима к обществу гораздо более позднему), а заставляет задуматься о справедливости общего определения категории «государство» и критериев последнего. Такая постановка вопроса не является принципиально новой, основанной на результатах исследований истории только одной страны, региона, одного из важных центров мировой цивилизации³⁰. Решение же его требует целого комплекса специальных исследований.

Д.Н. Лелюхин

²⁹ См. подробнее: Лелюхин. Структура...; *он же*. Государство... С. 4–24.

³⁰ См. в материалах дискуссии по статье Е.М. Штаерман «К проблеме возникновения государства Рима» (ВДИ. 1989. № 2–3; 1990. № 1–3) сходные суждения некоторых авторов.

THE STRUCTURE OF THE MAURYAN EMPIRE ACCORDING TO ASHOKA'S EDICTS

D.N. Lelyukhin

The article is devoted to the analysis of the materials of the edicts of Ashoka, the ruler of one of the largest state entities in ancient India, on the structure of his empire.

One of the principal results of the analysis was the conclusion that the model of a centralized state accepted by the majority of Indologists cannot be identified with the model of the state reflected in «Arthashastra» by Kautilya which has directly opposite characteristics.

The examination of the politico-geographic notions reflected in Ashoka's inscriptions has shown that the Indians placed their native territories «in the center of the world» putting other peoples and kingdoms in the «outlying areas». The structure of the Mauryan empire looks similar in the concepts of the authors of the edicts. They clearly single out the "nucleus" of the empire (most likely, the regions of central India and the Ganges valley, briefly referred to as "here") and the provinces called "outlying areas" (the meaning of the term in the inscriptions has a political rather than geographic connotation). The tribes and kingdoms situated on the outlying territories probably had different relationships with Magadha. The whole gamut of relations from the complete subordination to the Mauryan king to only formal recognition of Ashoka's power existed and was constantly recreated there. Some of the provinces were obviously conquered and included within the framework of the empire, others, probably, submitted to his power voluntarily. There were also independent "outlying areas" where the authors of the edicts placed the Seleucid and other kingdoms. The position of the territories, tribes and kingdoms in the "outlying areas" (which could be situated in the immediate vicinity of Magadha, for example, in Kalinga), their relations with the center could hardly be stable; they changed with time depending on specific conditions. In our opinion it is impossible to clearly identify the borders of the Mauryan empire. One could speak only about the zone of the Mauryas influence, the limits of which could be outlined but tentatively.

If one disregards the model of a centralized bureaucratic state, usually used by Indologists to systematize the information on the Mauryan empire and to interpret the edicts terminology, it is not difficult to notice that Ashoka's inscriptions themselves do not bear any evidence confirming the existence of such a state.

The Mauryan empire united peoples at different development stages, possibly with different forms of social organization and governing bodies. Keeping in mind the evidence of the diversity of its structure (the empire included tribes, kingdoms), one may doubt the adequacy of the generally accepted notion of the first all Indian empire.

Историческая география античного Причерноморья

© 1998 г.

ОБ ЭПИКЛЕЗЕ ТАВРСКОГО БОЖЕСТВА У АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА*

В первом экскурсе Аммиана Марцеллина о Понте Эвксинском, включенном в XXII книгу его «Res gestae», есть сведения о племенах тавров, в частности об их религии. «Ведь они, – пишет римский историк IV в., – почитая богов человеческими жертвоприношениями и принося пришельцев в жертву Диане, которая у них называется Орсилохой, прибавляли головы убитых к стенам святилища, словно вечные памятники мужественных подвигов» (XXII. 8. 34)¹.

* Статья написана в рамках проекта «Историческая география античного Причерноморья», поддержанного РФФИ. Код проекта № 96-06-80053.

¹ Deos enim hostiis litantes humanis et immolantes advenas Dianae, quae apud eos dicitur Orsilochae, caesorum capita fani parietibus praefigebant velut fortium perpetua monumenta facinorum // Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. V. I–II. Lpz, 1978.